

Алексей Степанович Хомяков

Церковь одна.

1.

Единство Церкви следует необходимо из единства Божьего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорным, не пользующимся ею (зарывающим талант), но они не в Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в живом теле.

Церковь одна, несмотря на ее видимое деление для человека, еще живущего на земле. – Только в отношении к человеку можно признавать раздел Церкви на видимую и невидимую, единство же ее есть истинное и безусловное. Живущий на земле, совершивший земной путь, не созданный для земного пути (как ангелы), не начинавший еще земного пути (будущие поколения), – все соединены в одной Церкви – в одной благодати Божией; ибо еще не явленное творение Божие для Него явно, и Бог слышит молитвы и знает веру того, кто еще не вызван им из небытия к бытию. – Церковь же, тело Христово, проявляется и исполняется во времени, не изменяя своего существенного единства и своей внутренней, благодатной жизни, Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только в отношении к человеку.

2. Церковь видимая и невидимая

Церковь видимая и земная живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, глава которого есть Христос. Она имеет в себе пребывающего Христа и благодать Духа Святого во всей их жизненной полноте, но не в полноте их проявлений, ибо творит и ведает не вполне, а сколько Богу угодно.

Так как Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершение всей Церкви, которым Господь назначил явиться при конечном суде всего творения, то она творит и ведает только в своих пределах, «не судя остальное человечеству» (по словам апостола Павла к Коринф.) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тех, которые от нее сами отлучаются. Остальное же человечество, или чуждое Церкви, или связанное с нею узами, которые Бог не изволил ей открыть, предоставляет она суду великого дня. Церковь же земная судит только себе, по благодати Духа и по свободе, дарованной ей через Христа, призывая и все остальное человечество к единству и усыновлению Божию во Христе: но над неслышащими ее призыва не произносит приговора, зная повеление своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

3. Церковь Христова на земле

С сотворения мира пребывала Церковь земная непрерывно на земле и пребудет до совершения всех дел Божиих по обещанию, данному ей Самим Богом. Признаки же ее суть: внутренняя святость, не позволяющая никакой примеси лжи, ибо в ней живет дух истины; внешняя неизменность, ибо неизменен Хранитель и Глава ее Христос.

Все признаки Церкви как внутренние, так и внешние познаются только ею самой и теми, которых благодать призывает быть ее членами. Для чуждых же и непризванных они непонятны, ибо внешнее изменение обряда представляется непризванному изменением самого Духа, прославляющегося в обряде. (Например, при переходе ветхозаветной Церкви в новозаветную или при изменении обрядов и положений церковных с апостольских времен). Церковь и ее члены знают, внутренним знанием веры, единство и неизменность своего духа, который есть дух Божий. Внешние и непризванные видят и знают изменение обряда внешним знанием, не постигающим внутреннего, как самая неизменность Божия кажется

им изменяемую, в изменении Его творений. Посему не была и не могла быть Церковь измененною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, в которое она приняла бы ложь в свои недра, в которое бы миряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаниям и учению, несогласному с учением и духом Христовым. Не знает Церкви и чужд ей тот, кто бы сказал, что могло в ней быть такое оскудение духа Христова. Частное же восстание против ложного учения, с сохранением или принятием других ложных учений, не есть и не могло быть делом Церкви: ибо в ней, по ее сущности, должны были быть всегда проповедники, и учителя, и мученики, исповедующие не частную истину с примесью лжи, но полную и беспримесную истину. Церковь знает не отчасти-истину и отчасти-ложь, а полную истину и без примеси лжи. Живущий же в Церкви не покоряется ложному учению, не принимает таинства от ложного учителя, зная его ложным, не следует ложным обрядам. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитрит и не малодушничает, ибо свята. Точно так же, по своей неизменности, не признает ложью то, что она признавала когда-нибудь за истину; и, объявив общим собором и общим согласием, возможность ошибки в учении какого-нибудь частного лица, или какого-нибудь епископа, или патриарха (как напр., Папы Гонория на Констант. Соборе в 680 г.), она не может признать, что сие частное лицо, или епископ, или патриарх, его преемники, не могли впасть в ошибку по учению и что они охранены от заблуждения какою-нибудь особой благодатью. Чем святилась бы земля, если бы Церковь утратила свою святость? И где бы была истина, если бы ее нынешний приговор был противен вчерашнему? В Церкви, то есть в ее членах, зарождаются ложные учения, но тогда зараженные члены отпадают, составляя ересь или раскол и не оскверняя уже собой святости церковной.

4. Единая Святая, Соборная и Апостольская

Церковь называется единою, святою, соборною (кафолической и вселенской), апостольской, потому что она едина, свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святится все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле, признающих ее: потому, наконец, что в писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви.

Из сего следует, что когда называется какое-нибудь общество христианское местной Церковью, как-то: греческой, российской или сирийской, такое название значит только собрание членов Церкви, живущих в такой-то стране (Греции, России, Сирии и т. д.), и не содержит в себе предположения, будто бы одна община христиан могла выразить учение церковное или дать учению церковному догматическое толкование без согласия других общин; еще менее предполагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ее могли предписывать свое толкование другим. Благодать веры неотделима от святости жизни, и ни одна община и ни один пастырь не могут быть признанными за хранителей всей веры, или представителей всей церковной святости. Впрочем, всякая христианская община, не присваивая себе права догматического толкования или учения, имеет вполне право изменять свои обряды, вводить новые, не вводя в соблазн другие общины; напротив, отступая от своего мнения и покоряясь их мнению, чтобы то, что в одном невинно и даже похвально, не показалось виновным другому и чтобы брат не ввел брата в грех сомнения и раздора. Единством обрядов церковных должен дорожить всякий христианин, ибо в нем видимо проявляется, даже для непосвященного, единство духа и учения; для просвещенного же находится источник радости живой и христианской. Любовь есть венец и слава Церкви.

5. Писание и Предание

Дух Божий, живущий в Церкви, правящей ею и умудряющий ее, действует в ней многообразно: в Писании, Предании и в деле, ибо Церковь, творящая дела Божии, есть та же Церковь, которая хранит Предание и писала Писание. Не лица и не множество лиц в Церкви хранят предание и пишут, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной. Потому ни в Писании искать основы Преданию, ни в Предании доказательств Писанию, ни в деле оправдания для Писания и Предания – нельзя и не должно. Вне Церкви живущему непостижимо ни Писание, ни Предание, ни дело. Внутри же Церкви пребывающему и приобщенному

Хомяков А. Церковь одна filosoff.org
к духу Церкви единство их явно по живущей в ней благодати.

Не предшествует ли дело Писанию и Преданию? Не предшествует ли Писанию Предание? Не угодны ли были Богу дела Ноя, Авраама, родоначальников и представителей ветхозаветной Церкви? И не существовало ли предание у прародителей, начиная от первого родоначальника Адама? Не дал ли Христос свободу человекам и словесное учение, прежде чем апостолы, своими Писаниями, засвидетельствовали дело искупления и закон свободы? Посему между преданием, делом и Писанием нет противоречия, а совершенное согласие. Ты понимаешь Писание, по сколько хранишь Предание и по сколько творишь дела угодные мудрости, в тебе живущей. Но мудрость, живущая в тебе, не есть тебе данная лично, но тебе, как члену Церкви и дана тебе отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь; дана же Церкви в полноте истины и без примеси лжи. Посему не суди Церковь, но повинуйся ей, чтобы не отнялась от тебя мудрость.

Всякий, ищущий доказательств церковной истины, тем самым или показывает свое сомнение и исключает себя из Церкви, или дает себе вид сомневающегося, и в то же время сохраняет надежду доказать истину и дойти до нее собственной силой разума; но силы разума не доходят до истины Божией, и человеческое бессилие делается явным в бессилии доказательств. Принимающий одно Писание и на нем одном основывающий Церковь, действительно – отвергает Церковь и надеется создать ее снова собственными силами; принимающий только Предание и дело, унижающий важность Писания действительно отвергает также Церковь и становится судьей Духа Божия, говорившего Писанием. Христианское же знание не есть дело разума, пытающего, но веры благодатной и живой. Писание есть внешнее и Предание внешнее и дело внешнее; внутреннее же в них есть один Дух Божий. От одного Предания, от Писания, от дела может человек почерпнуть только знание внешнее и неполное, которое может только в себе содержать истину, ибо отправляется от истины, но в то же время и необходимо ложно, потому что оно неполно. Верующий знает Истину, неверующий же не знает ее или знает ее знанием внешним и несовершенным. Церковь не доказывает себя ни как Писание, ни как Предание, ни как дело, но свидетельствуется собой как и Дух Божий, живущий в ней, свидетельствует собой в писании.

Не спрашивайте Церковь: какое Писание истинно, или какое Предание истинно, какой собор истинен, какое дело угодно Богу, ибо Господь Иисус Христос знает Свое достояние, и Церковь, в которой живет Он, знает внутренним знанием и не может не знать своих проявлений. Священным Писанием называется собрание ветхозаветных и новозаветных книг, которые Церковь признает своими. Но нет предела писанию, ибо всякое писание, которое Церковь признает своим, есть Священное Писание. Таковы, по преимуществу, исповедания соборов и особенно Никео-Константинопольского. Пребывает до нашего времени Священное Писание и, если угодно Богу, будет еще Священное Писание. Но не было и не будет никогда в Церкви никакого противоречия, ни в писании, ни в предании, ни в деле; ибо во всех трех единый и неизменный Христос.

6. Исповедь, молитва и дела

Каждое действие Церкви, направляемое Духом Святым, духом жизни и истины, представляет совокупность всех его даров – веры, надежды и любви; ибо в Писании проявляется не одна вера, но и надежда Церкви, и любовь Божия, и в деле богоугодном проявляется не любовь одна, но и вера, и надежда, и благодать, и в живом предании Церкви, ожидающей венца и совершения своего от Бога во Христе проявляется не надежда одна, но вера и любовь. Дары Святого Духа неразрывно соединены в одном святом и живом единстве: но как богоугодное дело наиболее принадлежит надежде, так богоугодное исповедание наиболее принадлежит любви*, как богоугодная молитва наиболее принадлежит вере* и неложно называется исповеданием Церкви исповеданием или Символом Веры.

Поэтому должно понимать, что исповедание, и молитва, и дело суть ничто сами по себе, но разве как внешнее проявление внутреннего духа. Поэтому еще не угоден Богу ни молящийся, ни творящий дела, ни исповедающий исповедание Церкви, но тот, кто творит, и исповедует, и молится по живущему в нем духу Христову. Не у всех одна вера, или одна надежда, или одна любовь, ибо ты можешь любить плоть, надеяться на мир и исповедовать ложь; можешь также

любить, надеяться и веровать не вполне, а отчасти; и Церковь называет твою надежду надеждой, твою любовь любовью, твою веру верой, ибо ты их так называешь, и она с тобой о словах спорить не будет; сама же она называет любовь, и веру, и надежду дарами Духа Святого и знает, что они истинны и совершенны.

7. Символ веры

Святая Церковь исповедует веру свою всей своей жизнью: учением, которое внушается Духом Святым, таинствами, в которых действует Дух Святой, и обрядами, которыми Он же управляет. По преимуществу же исповеданием веры называется Символ Никео-Константинопольский (или просто символ веры).

В символе веры заключается исповедание учения церковного; но чтобы было ведомо, что и надежда Церкви от ее учения нераздельна, исповедуется также и надежда ее: ибо говорится «чаем», (ожидаем) а не просто веруем, что будет.

Символ веры – полное и совершенное исповедание Церкви, из которого она не позволяет ничего исключить и ничего к нему прибавить. Он есть следующий:

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа, Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного. Иже от Отца рожденного прежде всех век: Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна, и воскресшаго в третий день по Писанием. И восшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном споклоняема и сславима, глаголавшаго Пророки. Во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь».

Это исповедание, как и вся жизнь духа, постижимо только верующему и члену Церкви. Оно содержит в себе тайны, недоступные пылливому разуму и открытые только Самому Богу и тем, кому Бог их открывает для познания внутреннего и живого, а не мертвого и внешнего. Оно содержит в себе тайну бытия Божия, не только в отношении к его внешнему действию на творение, но и ко внутреннему, вечному его существованию. Поэтому гордость разума и незаконной власти, присвоившая себе в противность приговору всей Церкви (высказанному на Ефесск. Соборе) право прибавить свои частные объяснения и человеческую догадку к Символу Н.-К., уже есть само по себе нарушение святости и неприкосновенности Церкви. Так как самая гордость отдельных церквей, осмелившихся изменить Символ веры всей Церкви без согласия своих братьев, была внушена не духом любви и была преступлением перед Богом и св. Церковью: точно так же их слепая мудрость, не постигшая тайны Божией, была искажением веры, ибо не сохранится вера там, где оскудела любовь. Посему прибавление слова *filioque* (и от Сына) содержит какой-то мнимый догмат, неизвестный никому из богоугодных писателей, или из епископов, или апостольских преемников в первые века Церкви, не сказанный Христом Спасителем. Как Христос сказал ясно, так ясно и исповедала и исповедует Церковь, что Дух Святой исходит от Отца: ибо не только внешние, но и внутренние тайны Божии были открыты Христом и духом веры святым апостолам и Святой Церкви. Феодорит называл хулителями всех исповедающих исхождение Св. Духа от Отца и Сына. Церковь, обличившая многие заблуждения Феодорита, в данном случае одобрила приговор красноречивым молчанием. (Не отвергая приговора, Церковь своим молчанием утверждает его всей своей властью). Церковь не отвергает, что Святой Дух посылается не только Отцом, но и Сыном: не отвергает Церковь, что Дух Святой сообщается всей разумной твари не только от Отца, но и через Сына; но отвергает Церковь, чтобы Дух Святой имел свое исходное начало в Самом Божестве не только от Отца, но и от Сына. – Отрекшийся от духа любви и лишивший себя даров благодати не может уже иметь внутреннего знания, т. е. веры, но ограничивает себя знанием внешним: посему и знать он может только внешнее, а не внутренние тайны Божии. Общины христианские, оторвавшиеся от Святой Церкви, не могли уже исповедовать (и не могли постигать духом) исхождение Духа Святого от одного Отца, в Самом

Божестве, но должны были уже исповедывать одно только внешнее послание Духа во всю тварь – послание, совершаемое не только от Отца, но и через Сына. Внешнюю сторону закона сохранили они как в исповедании, так и в жизни.

8. Церковь и ее Таинства

Исповедуя свою веру в Три-ипостасного Бога, Церковь исповедует свою веру в саму себя, потому что она себя признает орудием и сосудом божественной благодати, и дела свои признает за дела Божии, а не за дела лиц, по видимому, ее составляющих. В сем исповедании она показывает, что знание об ее существовании есть также дар благодати, даруемой свыше и доступной только вере, а не разуму.

Ибо какая бы мне была нужда сказать верую, когда бы я знал? Вера не есть ли облечение невидимых? Церковь же видимая не есть видимое общество христиан, но дух Божий и благодать таинств, живущих в обществе. Посему и видимая Церковь видима только верующему, ибо для неверующего таинство есть только обряд, и Церковь только общество. Верующий, хотя глазами тела и разума видит Церковь только в ее внешних проявлениях, но сознает ее духом в таинствах, и в молитве, и в богоугодных делах. Посему он не смешивает ее с обществом, носящим имя христиан, ибо не всякий говорящий: «Господи, Господи», – действительно принадлежит роду избранному и семени Авраамову. Верую же знает истинный христианин, что Единая, Святая, Соборная Апостольская Церковь никогда не исчезнет с лица земли до последнего суда всей твари, что она пребывает на земле невидимо для глаз плотских и плотски мудрствующего ума в видимом обществе христиан; точно так же как она пребывает видимою для глаз веры в Церкви загробной, невидимой для глаз телесных. Верую же знает христианин и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена в видимый образ, что не было, не могло быть и не будет того времени, в которое исказились бы таинства, иссякла святость, испортилось учение; и что тот не христианин, кто не может сказать: где от самого апостольского времени совершались и совершаются святые таинства, где хранилось и хранится учение, где воссылались и воссылаются молитвы к Престолу благодати? Святая Церковь исповедует и верует, что никогда овцы не были лишены своего Божественного Пастыря и что Церковь никогда не могла ошибиться по неразумию (ибо в ней живет разум Божий), ни покориться ложным учениям по малодушию (ибо в ней живет сила духа Божия).

Верую в обетование слова Божьего, называвшего всех последователей Христова учения друзьями Христа и братьями Его и в Нем усыновленными Богу, святая Церковь исповедует пути, которыми угодно было Богу приводить падшее и мертвое человечество к воссоединению в духе благодати и жизни. Посему, помянув пророков, представителей века ветхозаветного, она исповедует таинства, через которые в новозаветной Церкви Бог ниспосылает людям Свою благодать, и преимущественно исповедует она таинство Крещения во очищение грехов, как содержащее в себе начало всех других, ибо через крещение только вступает человек в единство Церкви, хранящей все остальные таинства.

Исповедуя едино крещение во оставление грехов как таинство, предписанное Самим Христом для вступления в новозаветную Церковь, Церковь не судит тех, которые не сделали причастными ей через крещение, ибо она знает и судит только саму себя. Ожесточенность же сердец знает един Бог, и слабости разума судит Он же по правде и милости. Многие спаслись и получили наследство, не приняв таинство Крещения водой, ибо оно учреждено только для Церкви новозаветной. Отвергающий его, отвергает всю Церковь и Духа Божия, живущего в ней; но оно не было завещано человечеству искони или предписано ветхозаветной Церкви. Ибо если кто скажет: обрезание было ветхозаветным крещением, тот отвергает крещение для женщин (они не имели обрезания), и что скажет он о праотцах от Адама до Авраама, не принявших печати обрезания? И во всяком случае не признает ли он, что вне Церкви новозаветной таинство крещения не было обязательным? Если он скажет, что за Церковь ветхозаветную принял крещение Христос, то кто положит предел милосердию Божию, принявшему на себя грехи мира? Обязательно же крещение, ибо оно одно есть дверь в Церковь новозаветную, и в крещении одном изъявляет человек свое согласие на искупляющее действие благодати. Посему в едином только крещении он и спасается.

Впрочем, мы знаем, что исповедуя едино крещение, как начало всех таинств, мы не отвергаем и других, ибо, верую в Церковь, мы с ней вместе исповедуем

семь таинств, т. е. Крещение, Евхаристию, Рукоположения, Миропомазания, Брака, Покаяния, Елеосвящения. Много есть и других таинств; ибо всякое дело, совершаемое в вере, любви и надежде, внушается человеку духом Божиим и призывает невидимую Божию благодать. Но семь таинств, совершаются действительно не одним каким-нибудь лицом, достойным милости Божией, но всей Церковью в одном лице, хотя и недостойном.

О таинстве Евхаристии учит святая Церковь, что в нем совершается воистину преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову. Не отвергает она и слова «пресуществление», но не приписывает ему того вещественного смысла, который приписан ему учителями отпадших церквей. Преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову совершается в Церкви и для Церкви. Принимаешь ли ты освященные дары, поклоняешься им, или думаешь о них с верой – ты действительно принимаешь Тело и Кровь Христову и поклоняешься им и думаешь о них. Принимаешь ли ты недостойно – ты действительно отвергаешь Тело и Кровь Христову, во всяком случае в вере или неверии ты освящаешься или осуждаешься Телом и Кровью Христовой. Но таинство это в Церкви и для Церкви, а не для внешнего мира, не для огня, не для неразумного животного, не для тления и не для человека, не слыхавшего закона Христова. В Церкви же самой (говорим о видимой Церкви) для избранных и отверженных святая евхаристия не простое воспоминание о таинстве Искупления, не присутствие духовных даров в хлебе и вине, не духовное только восприятие Тела и Крови Христовой, но истинное Тело и Кровь. Не духом одним угодно было Христу соединиться с верующими, но и Телом и Кровью, чтобы единение было полное и не только духовное, но и телесное. Равно противны Церкви и бессмысленные толкования об отношениях св. таинства к стихиям и тварям неразумным (когда таинство учреждено только для Церкви), и духовная гордость, презиращая Тело и Кровь и отвергающая телесное соединение со Христом. Не без тела воскреснем, и никакой дух, кроме Бога, не может вполне называться бестелесным. Презиращий тело грешит гордостью духа.

О таинстве Рукоположения учит святая Церковь, что через него передается преемственно от Апостолов и Самого Христа благодать, совершающая таинства: не так как будто никакое таинство не могло совершаться иначе как рукоположением (ибо всякий христианин может через крещение отворить младенцу, или еврею, или язычнику дверь Церкви), но так, что рукоположение содержит в себе всю полноту благодати, даруемой Христом Своей Церкви. Самая же Церковь, сообщая своим членам полноту духовных даров, назначила, в силу своей богоданной свободы, различия в степенях рукоположения. Иной дар пресвитеру, совершающему все таинства, кроме рукоположения; иной епископу, совершающему рукоположение; выше же дара епископского нет ничего. Таинство дает рукоположенному то великое значение, что хотя и недостойный он, в совершении своего таинственного служения, действует уже не от себя, а от всей Церкви, т. е. от Христа, живущего в ней. Если бы прекратилось рукоположение, прекратились бы все таинства, кроме крещения, и род человеческий оторвался бы от благодати, ибо Церковь сама тогда бы засвидетельствовала, что отступился от нее Христос.

О таинстве Миропомазания учит Церковь, что в нем передаются христианину дары Духа Святого, утверждающего его веру и внутреннюю святость. Это таинство совершается по воле св. Церкви не одними епископами, но и иереями, хотя само миро может быть освящено только епископом.

О таинстве Брака св. Церковь учит, что благодать Божия, благословляющая преемственность поколений во временном существовании рода человеческого и святое соединение мужа и жены для образования семьи, есть таинственный дар, налагающих на приемлющих высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, через которое грешное и вещественное облекается в праведность и чистоту. Почему великие учителя Церкви, апостолы признают таинство Брака даже у язычников; ибо, запрещая наложничество, они утверждают брак между язычниками и христианами, говоря, что муж святится женою верною, а жена мужем верным. Это апостольское слово не значит, чтобы неверный спасался своим союзом с верующим, но что освящается брак, ибо святится не человек, но святятся муж и жена. Человек через другого человека не спасается, но святятся муж или жена в отношении самого брака. Итак, не скверен брак даже у идолопоклонников; но они сами не знают про Божию милость, данную им. Святая же Церковь через своих рукоположенных служителей признает и благословляет соединения мужа и жены, благословенное Богом. Поэтому брак не есть обряд, но истинное таинство. Получает же оно свое совершение в св. Церкви, ибо в ней только совершается в полноте своей всякая святыня.

О таинстве Покаяния учит св. Церковь, что без него не может очиститься человеческий дух от рабства греха и греховной гордости, что не может он сам разрешать свои собственные грехи (ибо мы властны только осуждать себя, а не оправдывать) и что одна только Церковь имеет силу оправдания, ибо в ней живет полнота духа Христова. Мы знаем, что Первенец Царства небесного после Спасителя вошел в святую Божию осуждением самого себя, т. е. таинством Покаяния, сказав: «ибо достойное по делам нашим приняли», и получив разрешение от Того, кто может один разрешать и разрешает устами Своей Церкви.

О таинстве Елеосвящения учит св. Церковь, что в нем совершается благословение всего подвига, совершенного человеком на земле, всего пути им пройденного в вере и смирении, и что в елеосвящении выражается самый суд божественный над земным составом человека, исцеляя его, когда все целебные средства бессильны, или допуская смерти разрушать тленное тело, уже не нужное для земной Церкви и для тайных путей Божиих.

9. Вера и жизнь в единстве с Церковью

Церковь живет даже на земле не земной, человеческой жизнью, но божественной, благодатной. Поэтому не только каждый из членов ее, но и вся она торжественно называет себя святою. Видимое ее проявление содержится в таинствах: внутренняя же жизнь ее в дарах Духа Святого, в вере, надежде и любви. Угнетаемая и преследуемая внешними врагами, не раз возмущенная и разорванная злыми страстями своих сынов, она сохранялась и сохраняется непоколебимо и неизменно там, где неизменно хранятся таинства и духовная святость – никогда не искажается и никогда не требует исправления. Она живет не под законом рабства, но под законом свободы, не признает над собой ничьей власти, кроме собственной, ничего суда, кроме суда веры (ибо разум ее не постигает), и выражает свою любовь, свою веру и свою надежду в молитвах и обрядах, внушаемых ей духом истины и благодатью Христовой. Посему самые обряды ее, хотя и неизменны (ибо созданы духом свободы и могут изменяться по суду Церкви), никогда и ни в каком случае не могут содержать в себе какую-нибудь, хоть и малейшую, примесь лжи или ложного учения. Обряды же, еще не измененные, обязательны для членов Церкви, ибо в их соблюдении радость святого единства.

Внешнее единство есть единство, проявленное в общении таинств, внутреннее же единство есть единство духа. Многие спаслись (напр., некоторые мученики), не прибывшись ни одному из таинств Церкви (даже и Крещению), но никто не спасается, не прибывшись внутренней церковной святости, ее вере, надежде и любви; ибо не дела спасают, а вера. Вера же не двойка, но едина – истинная и живая. Посему неразумны те, которые говорят, что вера одна не спасает, но еще нужны дела, и те, которые говорят, что вера спасает, кроме дел: ибо если дел нет, то вера оказывается мертвой; если мертва, то и неистинна, ибо в истинной вере Христос, истина и жизнь, если же не истинная, то ложная, т. е. внешнее знание. А может ли ложь спасти? Если же истинная, то живая, т. е. творящая дела, а если она творит дела, то какие еще дела потребны? Богородивший апостол говорит: «покажи мне от дел твоих веру, которою ты хвалишься, как и я показываю веру свою от дел своих». Признает ли он две веры? Нет, но обличает неразумную похвальбу. «Ты веришь в Бога, но и бесы веруют». Признает ли он веру в бесах? Нет, но уличает ложь хвалящуюся качеством, которое и бесы имеют. «Как тело без души мертво, так и вера без дел». Сравнивает ли он веру с телом, а дела с духом? Нет, ибо такое подобие было бы неверно, но смысл слов его ясен. Как тело бездушное не есть уже человек и человеком называться не может, но трупом, так и вера не творящая дел, истинной верой называться не может, но ложною, т. е. знанием внешним, бесплодным и доступным даже бесам. Что писано просто, то должно быть и читано просто. Поэтому те, которые основываются на апостоле Иакове для доказательства, что есть вера мертвая и вера живая и будто две веры, не постигают смысла слов апостольских, ибо не за них, но против них свидетельствует апостол. Так же, когда великий Апостол языков говорит: «Какая польза без любви, даже в такой вере, которая двигала бы горы?» – он не утверждает возможность такой веры без любви, но, предполагая ее, объявляет бесполезной. Не духом мудрости мирской, спорящей о словах, должно быть читано Святое Писание, но духом мудрости Божией и простоты духовной. Апостол, определяя веру, говорит: «Она есть невидимых обличение и утверждение уповаемых» (не только ожидаемых или будущих); если же уповаем, то желаем; если же желаем, то любим; ибо нельзя желать того, чего не

любишь. Или бесы имеют также упование? – Посему вера одна, и когда спрашиваем: может ли истинная вера спасать, кроме дел?» – то делаем вопрос неразумный, или, лучше сказать, ничего не спрашиваем; ибо вера истинная есть живая, творящая дела: она есть вера во Христа и Христос в вере.

Те, которые приняли за истинную веру мертвую веру, т. е. ложную или внешнее знание, дошли в своем заблуждении до того, что из этой мертвой веры, сами того не зная, сделали восьмое таинство. Церковь имеет веру, но веру живую, ибо она же имеет и святость. Когда же один человек или даже епископ имеет непременно веру, что можем мы сказать? Имеет ли он святость? Нет, ибо он ославлен преступлением и развратом. Но вера в нем пребывает, хотя и в грешнике. Итак, вера в нем есть восьмое таинство, как и всякое таинство есть действие Церкви в лице, хотя и недостойном. Через это таинство какая же вера в нем пребывает? Живая? Нет, ибо он преступник, но вера мертвая, т. е. внешнее знание, доступное даже бесам. И это ли будет восьмое таинство? Так отступление от истины само собою наказывается.

Должно разуметь, что спасает не вера, и не надежда, и не любовь (ибо спасет ли вера в разум, или надежда на мир, или любовь к плоти?), но спасет предмет веры. Веруешь ли во Христа – Христом спасешься в вере; веруешь ли в Церковь – Церковью спасешься; веруешь ли в таинства Христовы – ими спасешься: ибо Христос Бог наш, в Церкви и в таинствах. Ветхозаветная Церковь спасалась верой в будущего Искупителя. Авраам спасался Тем же Христом, как и мы. Он имел Христа в уповании, мы же в радости. Посему желающий крещения крестится в желании; принявший крещение имеет крещение в радости. Обоих спасает одинаковая вера в крещение, но скажешь: «если вера в крещение спасает, то к чему еще креститься». Если ты не принимаешь крещения, чего же ты желаешь? Очевидно, что вера, желающего крещения, должна совершиться в принятии самого крещения, – своей радости. Посему и дом Корнилиев принял Духа Святого, не принявши еще крещения, и каждый исполнился того же Духа вслед за крещением. Ибо Бог может прославить таинство Крещения до его совершения, точно так же как и после. Так исчезает разница между *opus operans* и *opus operatum*. Знаем, что многие не крестили младенцев и многие не допускали их к причащению Св. Таин, многие их не миропомазывали; но иначе понимает св. Церковь, крестящая и миропомазующая и допускающая младенцев к причащению. Не потому так положила она, чтобы осуждала некрещенных младенцев, коих ангелы всегда видят лицо Божие, но положила это по духу любви, в ней живущему, дабы и первая мысль младенца, входящего в разум, была уже не только желанием, но радостью за уже принятые таинства. И знаешь ли ты радость младенца, еще, по-видимому, не вошедшего в разум? Не возрадовался ли о Христе еще не рожденный пророк? Отняли же у младенцев крещение и миропомазание и причащение св. Даров, те, которые, наследовав слепую мудрость слепого язычества, не постигли величия таинств Божиих, требовали в нем причины и пользы и, подчиняя учение Церкви толкованием схоластическим, не желают даже молиться, если не видят в молитве прямой цели и выгоды. Но наш закон не есть закон рабства или наемничества, трудящегося за плату, но закон усыновления и свободной любви.

Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один, но никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви как ее член, и в единстве со всеми другими ее членами. Верует ли кто, он в общении Веры, любит ли, он в общении Любви, молится ли, он в общении Молитвы. Посему никто не может надеяться на свою молитву, и всякий, молясь, просит всю Церковь о заступлении, не так как будто бы сомневался в заступничестве единого ходатая Христа, но в уверенности, что вся Церковь всегда молится за всех своих членов. Молятся за нас все ангелы, и апостолы, и мученики и праотцы, и всех высшая Мать Господа нашего, это святое единение есть истинная жизнь Церкви. Но если беспрестанно молится Церковь видимая и невидимая – зачем же просить ее о молитвах? Не просим ли милости у Бога и Христа, хотя милость его предваряет нашу молитву? Потому именно и прошу Церковь о молитвах, что знаем, что она и непросящему дает помощь своего заступления и просящему дает несравненно более, чем он просит: ибо в ней полнота духа Божьего. Так и прославляем всех, кого Господь прославил и прославляет, ибо как скажем, что Христос в нас живет, если не уподобляемся Христу? Посему прославляем святых, и ангелов, и пророков, но более всех чистейшую Мать Иисуса, Х.* Не признавая Ее или безгрешной, по рождению, или совершенной (ибо безгрешен и совершен один Христос), но помня, что Ее непонятное превосходство перед всем Божиим творением засвидетельствовано ангелом и Елизаветою и более всего – Самим Спасителем, назначившим ей в сыновнее повиновение и службу великого Своего апостола и тайновидца Иоанна.

Так же как каждый из нас требует молитвы от всех, так и он всем должен своими молитвами, живым и усопшим и даже еще не рожденным; ибо, прося, чтобы мир пришел в разум Божий (как мы просим со всей Церковью), просим не за одни, настоящие поколения, но и за те, которые Бог еще вызовет к жизни. Молимся за живых, чтобы была в них благодать Господа, и за усопших, чтобы они были удостоены лицезрения Божьего. Не знаем мы о среднем состоянии душ, не принятых в царство Божье и не осужденных на муку, ибо о таком состоянии не получили мы учения от апостолов или от Христа, не признаем чистилища, т. е. очищения душ страданиями, от которых можно откупиться делами своими или чужими; ибо Церковь не знает ни про спасение какими бы то ни было внешними средствами или страданиями, кроме Христовых, ни про торг с Богом, которым откупаются от страдания добрым делом.

Все это язычество остается при наследниках языческой мудрости, при людях, гордящихся местом, и именем, и областью, при учреждении восьмого таинства и мертвой веры. Мы же молимся в духе Любви, зная, что никто не спасется иначе, как молитвой всей Церкви, в которой живет Христос, зная и уповая, что, пока не пришло совершение времен, все члены Церкви, живые и усопшие, непрестанно совершенствуются взаимной молитвой. Много выше нас святые, прославленные Богом; выше же всего Церковь, вмещающая в себя всех святых и молящаяся за всех, как видно в боговдохновенной литургии. В молитве ее слышится и наша молитва, как бы мы ни были недостойны называться сынами Церкви. Если поклоняясь и славя святых, мы просим, дабы прославил их Бог, мы не поддаем обвинению в гордости, ибо нам, получившим позволение называть Бога Отцом, дано также позволение молиться: «да святится имя Его, да придет Царствие Его и да будет воля Его». И если нам позволено просить Бога, да прославит Он имя Свое, и совершает волю Свою: кто нам запретит просить да прославит Он Своих святых и да упокоит Он Своих избранных? За неизбранных не молимся, как и Христос молился не о всем мире, но о тех, кого дал Ему Господь. Не говори: «Какую молитву уделю живому и усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня?» Ибо, неумеющий молиться, к чему молился бы ты за себя? Молился же в тебе дух Любви. Также не говори: «К чему моя молитва другому, когда он сам молится и за него ходатайствует Сам Христос?» Когда ты молишься, в тебе молится дух Любви. Не говори: «Суда Божьего уже изменить нельзя», ибо твоя молитва сама в путях Божиих, и Бог ее предвидел. Если же член Церкви, то молитва твоя необходима для всех ее членов. Если же скажет рука, что ей не нужна кровь остального тела и она своей крови ему не даст, рука отсохнет. Так и ты Церкви необходим, покуда ты в ней; а если ты отказываешься от общения, ты сам погибаешь и не будешь уже членом Церкви. Церковь молится за всех, и мы все молимся вместе за всех, но молитва наша должна быть истинной и истинным выражением Любви, а не словесным обрядом. Не умея всех любить, мы молимся о тех, кого любим, и молитва наша нелицемерна; просим же Бога, дабы можно было нам всех любить и за всех молиться нелицемерно. Кровь же Церкви – взаимная молитва, и дыхание ее – славословие Божие. Молимся же в духе Любви, а не пользы, в духе сыновней свободы, а не закона наемнического, просящего платы. Всякий спрашивающий: «Какая польза в молитве?» признает себя рабом. Выше всего Любовь и Единение. Любовь же выражается многообразно: делом, молитвой и духовной песнью. Церковь благословляет все эти выражения Любви. Если ты не можешь выразить своей любви к Богу словом, а выражаешь ее видимым изображением, т. е. иконой, осудит ли тебя Церковь? Нет, но осудит тебя осуждающего, ибо он осуждает твою Любовь. Знаем, что без иконы можно спастись и спасались и если твоя Любовь не требует иконы, спасешься и без иконы. Ты, осуждая Любовь брата, сам себя осуждаешь. Если ты, будучи христианином, не смеешь слушать без благоговения духовную песнь, сложенную твоим братом, как смеешь ты смотреть без благоговения на икону, созданную его Любовью, а не искусством? Сам Господь, знающий тайну сердец, благоволил не раз прославить молитву или псалом: запретишь ли ты Ему прославить икону или гробы святых? Скажешь ты: «Ветхий завет запретил изображение Божие», но ты, более Святой Церкви понимающий ее слова (т. е. Писания), не понимаешь ли, что не изображение Божие запретил Ветхий завет (ибо позволил и херувимов, и медного змия, и писание имени Божьего), но запретил человеку созидать себе Бога наподобие какого бы то ни было предмета земного или небесного, видимого или даже воображаемого.

Пишешь ли ты икону для напоминания о невидимом и невообразимом Боге – ты не творишь себе кумира. Воображаешь ли себе Бога и думаешь, что Он похож на твое воображение, ты ставишь себе кумир, – таков смысл ветхозаветного запрещения. Икона же (красками писанное изображение Божие) или изображение Его святых, созданное Любовью, не запрещается духом истины. Не говори: «Перейдут-де христиане к идолопоклонству», ибо дух Христов, хранящий

Церковь, премудрее твоей расчетливой мудрости. – Поэтому можешь без иконы спастись, но ты не должен отвергать иконы.

Церковь принимает всякий обряд, выражающий духовное стремление к Богу, так же как принимает молитву и икону, но выше всех обрядов она признает св. Литургию, в которой выражается вся полнота ее учения и церковного духа и выражается не какими-нибудь условными знаками или символами, но словом жизни и истины, вдохновенным свыше. Только тот понимает Церковь, кто понимает Литургию. Выше же всего единение святости и любви.

10. Спасение

Святая Церковь, исповедуя, что она ожидает воскресения мертвых и окончательного суда над всем человечеством, признает, что совершение всех ее членов исполнится с совершением ее самой, и что жизнь будущая принадлежит не духу только, но и воскрешенному телу, ибо только Бог есть совершенно бестелесный дух. Потому она отвергает гордость тех, которые проповедуют учение о бестелесности за гробом и, следовательно, презируют тело, в котором воскрес Христос. Тело это не будет телом плотским, но будет подобно телесности ангелов, как и Сам Христос обещал, что мы уподобимся ангелам.

В последнем суде явится в полноте своей оправдание наше во Христе, не освящение только, но и оправдание: ибо никто не освятился и не освящается вполне, но еще нужно и оправдание. Все благое творит в нас Христос, в вере ли, надежде ли, или любви; мы же только покоряемся Его действию, но никто вполне не покоряется. Поэтому нужно еще и оправдание Христовыми страданиями и кровью. Кто же еще может говорить о заслуге собственных дел или запасе заслуг и молитв? Только те, которые живут еще под законом рабства. Все благое творит в нас Христос, мы же никогда вполне не покоримся, никто, даже святые, как сказал Сам Спаситель. Все творит благодать, и благодать дается даром и дается всем, дабы никто не мог роптать, но не всем равно, не по предопределению, а по предведению, как говорит апостол. Меньший же талант дан тому, в ком Господь предвидел нерадение, дабы отвержение большего дара не послужило к большему осуждению. И мы сами не растим дарованных талантов, но они отдаются купцам, чтобы и тут не могло быть нашей заслуги, но только было не сопротивление растущей благодати. Так исчезает разница между благодатью «достаточной и действующей». Все творит благодать. Покоряешься ли ей, в тебе совершается Господь и совершает тебя; но не гордись своей покорностью, ибо и покорность твоя от благодати. Вполне же никогда не покоряемся, посему, кроме освящения, еще просим и оправдания.

Все совершается в совершении общего суда, и дух Божий, т. е. дух Веры, Надежды и Любви, проявится во всей своей полноте, и всякий дар достигнет полного своего совершенства: над всем же будет Любовь. Не должно, однако же, думать, что дары Божии, Вера и Надежда, погибли (ибо они нераздельны с Любовью), но одна Любовь сохраняет свое имя, а Вера, пришедшая в совершенство, будет уже полным, внутренним ведением и видением; Надежда же будет радостью, ибо мы и на земле знаем, что чем сильнее она, тем радостнее.

11. Единство Православия

И по воле Божией св. Церковь после отпадения многих расколов и римского патриаршества сохранилась в епархиях и греческих патриаршествах, и только те общины могут признавать себя вполне христианскими, которые сохраняют единство с восточными патриаршествами или вступают в это единство. Ибо как Бог – один, так и Церковь едина, и нет в ней разделения.

Посему Церковь называется Православной, или Восточной, или Греко-Российской. Но все эти названия – временны. Не должно обвинять Церковь в гордости когда она именуется Православной, ибо она же именуется себя и Святою. Когда исчезнут ложные учения, излишнем станет и имя православия, ибо ложного христианства не будет. Когда распространится Церковь или войдет в нее полнота народов, тогда исчезнут и все местные наименования, ибо не отождествляется Церковь с какой-нибудь местностью; но она называет себя Единой, Святой, Соборной и Апостольской, зная, что ей

Хомяков А. Церковь одна filosoff.org
принадлежит весь мир и что никакая местность не имеет особого какого-нибудь
преимущества, но только временно служит для прославления имени Божьего, по
Его неисповедимой воле.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!